

Дмитрий Хворостовский: «Баритон — как хороший коньяк»

[Екатерина БЕЛЯЕВА](#)

18.05.2012

В рамках столичного фестиваля «Черешневый лес» знаменитый русский баритон Дмитрий Хворостовский исполнит романсы Чайковского, Листа, Рахманинова и Танеева в Большом зале консерватории. В эксклюзивном интервью газете «Культура» певец рассказывает о своих новых дисках и дружбе-соперничестве с Пласидо Доминго.

культура: Почему для дебюта на фестивале «Черешневый лес» Вы выбрали очень строгую академическую форму камерного концерта?

Хворостовский: Вообще-то это моя любимая форма общения со зрителями — через песню, через романс, особенно русский романс. Моя привязанность к камерному пению восходит еще к периоду, когда я учился в Красноярске. Я досконально знаю русский песенный репертуар, и у меня, кажется, есть что сказать слушателю. Хотя, конечно, не могу не признать, что камерный концерт — уходящий, старомодный жанр.

культура: По какому принципу Вы собирали свой нынешний концерт? Это был заказ фестиваля?

Хворостовский: Не совсем. Дело в том, что я уже много раз исполнял данную программу в разных городах мира, и только Москва и Париж оставались неохваченными. 18 мая я пою концерт в Большом зале консерватории, потом еду в Париж и выступаю в театре Шатле. Дальше будем с моим коллегой — аккомпаниатором Ивари Илией делать что-то новое. А принцип компоновки простой: мы встречаемся с Ивари, предлагаем, обсуждаем, утверждаем названия и готовимся, работаем. Русский блок всегда присутствует. Из Чайковского буду петь целиком последний его опус «Шесть романсов» 1893 года. Так как мы строили концертную программу в 2011 году, который шел под знаком Ференца Листа, решили включить его самые романтические песенные опусы. Выбрали «Сонеты Петрарки». Знаете, это такие страстные стихи, почти романтическая опера. В Москве буду исполнять также романсы Танеева. Их редко встретишь в концертных программах других вокалистов. В целом составить программу романсов не представляет большой сложности. Мы с Ивари последние годы постоянно варимся в исследовательской работе — штудлируем песенный фонд.

культура: Весь уходящий сезон Вы пели исключительно в операх Верди. В обеих прямых трансляциях из Метрополитен-опера, которые с октября 2011 года проходят и в московских кинотеатрах, Вы предстали колоритным вердиевским героем. Это совпадение?

Хворостовский: Нет, это сознательное зрелое решение. Я уже десять или даже пятнадцать лет никаких опер, кроме вердиевских, не пою. Даже от моих любимых «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы» недавно отказался.

культура: После Вашей победы в роли придворного шута Риголетто пришел черед революционного дожа Симона Бокканегры. Только о нем все и говорят в связи с Вами.

Хворостовский: «Симон Бокканегра» — болезненная тема. Я спел его и в Венской опере, и в Метрополитен. Джимми Ливайн сказал мне, что я лучший Симон, но записали Доминго. Вы же знаете, он недавно стал баритоном — в роли Риголетто выступил, Симона осилил. Иногда у него не очень здорово получается «баритонить», но он — Доминго, оперный царь. Где не хватило голоса, берет актерской харизмой. Впрочем, я не обижаюсь, я люблю Пласидо и желаю ему всяческого успеха и здоровья. Подумаешь, не записал я сейчас Симона, значит, позже запишу. Баритон ведь как хороший коньяк — с возрастом только набирает терпкость.

культура: Очень успешным было Ваше выступление в роли Симона в этом году в Вене. Расскажите об этой работе.

Хворостовский: Я люблю петь в Вене: старый репертуарный театр, консервативный во многом, но традиции его велики. А успех этого «Симона» заключается в блистательном кастинге, постановка-то сама по себе там идет неинтересная. У нас в команде был мощнейший Фисеско — итальянский бас Ферруччо Фурланетто. Он словно посланник композитора: такое впечатление, что его замечания по поводу того, как петь то ли иное место в спектакле, — это замечания самого маэстро. Ну и Марина Поплавская — молодая вокалистка из Москвы, к сожалению, недостаточно известная в России. Она очень вдумчивая певица, ни на кого не похожая, актриса глубокая, просто Шалапин в юбке. Она так вживается в своих героинь, такого уровня правдоподобия достигает — мурашки по коже бегут. Петь вместе с ней — это и приятно и ответственно.

культура: Громким был Ваш дебют в роли Дона Карлоса в «Эрнани». Особенно умопомрачительным был выход Карлоса в финале, когда он становится императором. Вы с Фурланетто просто затмили беднягу Эрнани. Что скажете?

Хворостовский: С «Эрнани» смешная история получилась. Я никогда раньше не пел Дона Карлоса из соображений экономии голоса. Партия написана для высокого баритона, практически для тенора, и я как-то о ней не думал всерьез. Наконец, созрел. Так вот. Я спел Карлоса, был доволен жизнью и собой. Спустя время встречаю я в Метрополитен Доминго — говорю ему, что вот Карлоса спел, а ты, мол, чего отстаешь. На что Доминго, человек с живым юмором во всем, что не касается его карьеры новоиспеченного баритона, говорит: «Уже выучил, ищу оказию спеть». А я-то просто шутил, был в хорошем настроении. И вдруг на меня тоже серьезность напала, думаю про себя: «Раз ты смог в 49 лет спеть Карлоса, сможешь на пенсии весь репертуар теноровый освоить. Не будет времени скучать». Забавно.

культура: К Риголетто больше не возвращаетесь? Когда-то Вы говорили, что это любимая роль.

Хворостовский: Так и есть. Но я заложник моих контрактов. «Риголетто» в Мет в них значит, но, по моему, через сезон. Понятно, что можно петь в один сезон и Симона и Риголетто, но я не люблю порхать с места на место. Мне нравится засесть в резиденции, скажем, в Королевской опере Ковент-Гарден и месяц-два там работать. Семья может ко мне тогда присоединиться. С двумя маленькими детьми далеко не уедешь. Поэтому я ориентируюсь, прежде всего, на Метрополитен, где пою сразу несколько партий в сезон, и на свою концертную деятельность. Постоянно сижу с семьей в Нью-Йорке и выезжаю ненадолго, чтобы спеть где-то концерт.

культура: Вы сказали, что жанр камерного концерта не так востребован ныне, но продолжаете что-то постоянно планировать. Плывете против течения?

Хворостовский: Я бы не сказал, что мои концерты меньше востребованы. Наоборот, у меня много предложений. Но в целом, тенденция упадка есть.

культура: У проектов с песнями Игоря Крутого больше зрителей, чем у романсов Танеева?

Хворостовский: Столько же. Это я хотел спеть что-то новое, свежее, недавно написанное. Кстати, материал еще сыроват, надо дорабатывать. Я буду вовлекать в него своих коллег Лару Фабиан, Суми Йо.

культура: Какие диски будете записывать после Рахманинова?

Хворостовский: Записи — моя любимая тема. Накопилось столько песенного материала, который я хочу записывать здесь и сейчас, пока мой голос в самом соку, пока я сам себе нравлюсь как певец. Мне все равно, что требуют от меня фирмы. У них свои графики, а у меня свои. Там, где наши желания совпадают, — мы сотрудничаем. С финской Ondine хорошо пошло. А если не совпадают, я вкладываю свои деньги, записываю то, что считаю нужным. Записанный материал не стареет, а когда выйдет CD, не так уж важно по большому счету. Планы у меня гигантские. Я хочу буквально все: вот этот последний опус Чайковского, который пою сейчас в Москве, будет записан, романсы Танеева, песни Равеля, Дюпарка, Форе, Сюита Шостаковича на стихи Микеланджело, «Песни и пляски Смерти» Мусоргского. Духовной, хоровой музыки много. Буду петь а капелла с хором под управлением Канторовича, и тоже будем записывать.

культура: Вам только что вручили Opera News Awards в компании с Питером Селларсом, Каритой Маттилой, Аней Силья и Петером Маттеем. Что это за премия такая?

Хворостовский: В Америке ее приравнивают к «Оскару» — почетная награда от критиков за достижения в области оперного искусства. Хорошая компания в этом году, и в прошлые годы там славные ребята засветились — Риккардо Мути, Йонас Кауфманн, Рене Флеминг. Приятно получать награды, хотя для меня все равно самые дорогие те, что достались мне дома в начале моей карьеры в России: народный артист, лауреат Госпремии.